

Литературный АЗЕРБАЙДЖАНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Сулейман РАГИМОВ. Дружба, сложившаяся в веках	3
Давуд ОРДУБАДЛЫ. Сумгаит. Стихи (перевод П. Симонова)	21
Сабир АХМЕДОВ. Аран. Повесть (окончание. Перевод И. Третьякова)	25
Мирварид ДИЛЬБАЗИ. Моя земля. Стихи (перевод И. Лиснянской)	56

НА РУБЕЖАХ СЕМИЛЕТКИ

Лев ПОЛОНСКИЙ. Коммунизма дозорный. Очерк	59
Кузьма ХРОМОВ. Хозяйка хлопковых полей. Очерк	70

Новруз ГЯНДЖАЛИ. Глаза твои ясны. Темно. «На рассвете ветер снежный...». «Я проклинаю мир небытия...». Фиалка. Стихи (перевод В. Зайцева)	82
---	----

К 50-летию со дня рождения Сабита Рахмана

РАССКАЗЫ

Сабит РАХМАН. Свадьба. Молла Ширали ищет рай (перевод Гр. Грекина)	85
Сулейман ВЕЛИЕВ. Жемчужный дождь (перевод И. Новинской). Взрыв (перевод И. Третьякова)	102
Габиба ЗЕЙНАЛОВА. Портрет (перевод А. Насибова)	114

Али ТУДЭ. Лампочки Ильича. Орел. Когда я отдыхаю. Стихи (переводы И. Лиснянской и В. Зайцева)	120
---	-----

См. на обороте.

10

октябрь

1960

Год издания XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА
БАКУ

Рассказы

Сабит РАХМАН

СВАДЬБА

Не доезжая километров тридцати до селения Тиканлы, автобус остановился перед чайханой. Жара стояла страшная, и остановка нас очень обрадовала. Мы уселись за столы, стоявшие под сенью большого тутового дерева, предвкушая удовольствие утолить жажду стаканом крепкого ароматного чая.

Оказалось, однако, что в этой чайхане чая в общепринятом смысле не бывает, а чай или вода здесь не более, как условные обозначения. В ответ на просьбу о стакане чая перед тобой ставят стакан коньяку и говорят: «Это — особый чай. Его температуру узнаешь, когда выпьешь!». Но мне не хотелось пить коньяк, и я взмолился: «Подайте хотя бы стаканчик водички». И мне немедленно принесли стакан водки...

Отвергнув водку и распростившись с надеждой утолить жажду, я стал терпеливо дожидаться отъезда автобуса. В это время возле нас остановилась выдавшая виды «М-1». Из машины степенно вышел коренастый, лысый мужчина и уселся за один из свободных столиков. Мой товарищ, хорошо знавший обитателей здешних мест, шепнул мне на ухо:

— Председатель сельсовета.

Приехавший, видя, что его прибытие осталось незамеченным, ударил по столу рукой и крикнул:

— Эй, братец!

Из толстого горла его вырвалось тонюсенькое сопрано. Однако какой могучей силой обладал этот писклявый голосок! В тот же миг перед приехавшим выстроился весь штат чайханы, выражая всем своим видом готовность выполнить любое его требование. Сам заведующий чайханой, высокий тощий мужчина, сгибаясь в три погибели, спросил:

— Как поживаешь, брат мой, как обстоят дела с этой жарой?

Председателю сельсовета вопросы не понравились. Он досадливо поморщился, пропел:

— Не тани! Знаешь же, что у меня дел по горло! Давай там, побыстрее принеси!..

Люди засуетились и исчезли в мгновение ока.

Перед председателем сельсовета появилась большая сковорода с глазуньей из черт его знает скольких яиц. Как я ни тянулся, но пересчитать глазков не успел. Умяв яичницу и запив ее двумя стаканами «воды» и стаканом «чая», толстяк вылизал сковородку и вновь подал свой мелодичный голос:

— Подайте чайник!

На сей раз ему был подан настоящий чай.

Меня давно терзала жажда. Ее еще больше растравил вид чаевничающего предсельсовета. Окликнув шнырявшего рядом официанта, я взмолился:

— Братец, подай и мне хоть полстаканчика чаю!

Он резко оборвал меня:

— Товарищ, вам уже сказано, что у нас горячего чаю нет!

На моих глазах человек пил чай, но я не стал спорить, доказывать, ибо понял, что скандалить бесполезно. Предсельсовета одолел чайник, уселся в машину и покатыл в сторону села.

Через час и мы достигли Тиканлов. Первое, что при въезде в село бросилось нам в глаза — это расклеенные повсюду рукописные афиши, извещавшие, что вечером на сцене сельского клуба будет показан спектакль «Свадьба». У всех встречных сельчан на устах только и было: «Сегодня вечером будет свадьба! Говорят, исключительную свадьбу сыграют!».

Кто бы мог подумать, что тиканлинцы так пристрастились к театру! Даже мой друг, обычно всегда на час раньше предвидевший все, что может случиться в жизни, не смог на сей раз предусмотреть, что только с огромным трудом мы сможем достать билеты на постановку «Свадьбы».

Когда в половине восьмого вечера мы направились к клубу, дорожка и площадь перед клубом были уже запружены народом. К кассе невозможно было и близко подойти. Люди буквально убивались из-за билетов.

Я робко отошел в сторону, а мой друг стал решительно пробиваться к кассе. Через некоторое время он возвратился с двумя билетами. Но какой ценой он их добыл! Пуговицы его пиджака были выдраны с мясом, галстук болтался где-то на затылке, а шапка вообще пропала без вести. Крепко сжимая в руках приобретенные с таким трудом заветные билеты, мы стали протискиваться к дверям клуба. Зрители, двигавшиеся вместе с нами, вели между собой какие-то странные разговоры. Один спрашивал:

— А сам он придет?

Кто-то отвечал:

— Уже пришел. Его специально пригласили. Он только что прошел в здание.

— А из соседних колхозов люди будут?

— А они знают?

— Нет, откуда им знать!..

С большим трудом мы протолкались в клуб. Зрительный зал, рассчитанный на четыреста мест, был набит до отказа. Мы хотели добросо-

вестно сесть на свои места, но оказалось, что они уже давно заняты. Вообще никто не сидел на своих местах. Каждый усаживался на любой подвернувшийся свободный стул. В передних рядах еще был относительный порядок, а в задних рядах творилось такое, что и словами не выразишь.

Проявив немало сноровки и прыти, мы оседлали два стула и, подобно нашим соседям, вытянув шеи, стали разглядывать сидевших впереди счастливых. Единственной знакомой мне личностью оказался председатель сельсовета, важно восседавший в первом ряду. Рядом с ним сидели какие-то мужчины, которых я не знал.

Спустя некоторое время свет погас. Поднялся занавес, но сцена была пуста. После минутной паузы на сцене появились персонажи пьесы — секретарь колхоза Салманов и счетовод Мирза Гусейн. Они подошли к дверям, чуть качавшимися на вбитых в пол косяках, и приняли положение «смирно». А спустя еще немного на сцену вышел исполнитель роли Керемова. Его появление было встречено аплодисментами.

В отличие от Керемовых, которых мне довелось видеть в спектаклях на сценах других театров, этот Керемов был низкорослым, толстым и лысым.

Усевшись за стол, он тут же воскликнул писклявым голосом:

— Братец!

Высокий тощий мужчина внес на сцену на вытянутых руках большой кипящий самовар и поставил его перед Керемовым, Салманов достал из шкафа и подал на стол стакан и сахарницу. Керемов молча налил себе из самовара стакан чаю и стал пить.

В том, как он пил чай, в прочих его движениях не было ничего смешного, однако зрители почему-то гоготали вовсю.

Мирза Гусейн, приблизившись на цыпочках к столу, спросил:

— Товарищ Керемов! В медпункте протекает крыша, вода капает на голову фельдшеру, какие у вас будут на этот счет соображения?

Керемов поставил на стол опорожненный стакан и, громко похрустывая оставшимся во рту сахаром, ответил:

— Откуда им взяться, соображениям, ай киши? Трудно мне улучшить время от поедания яичниц и чаепития в чайханах!

Этот ответ вызвал в зрительном зале такой взрыв хохота, что, казалось, сотряслись стены клуба.

Следующий вопрос задал Салманов:

— Товарищ Керемов! На улицах у нас непролазные болота. Зимой грязь, летом машины пыль столбом поднимают, надоело это народу по горло. Какие меры по этому поводу предпринимаете?

Керемов не торопился с ответом. Он позвонил в ручной колокольчик и сказал явившемуся на вызов тощему мужчине:

— Братец, этот самовар опустел, принеси-ка другой.

Мужчина унес пустой самовар и внес новый. Керемов налил стакан, отхлебнул глоток чаю и только тогда ответил Салманову:

— Насчет улиц мер пока никаких не предпринимает. В недалеком будущем поручу заняться этим делом своему шуруину. Вот только трудно мне найти свободное от выпивок время, чтобы с ним потолковать по этому вопросу.

Эти слова были также встречены громовыми раскатами смеха. Сидевший в первом ряду предсельсовета вскочил с места, как ужаленный, и, обращаясь к артисту, завизжал своим тоненьким сопрано:

— Эй, парень, это ты что же, меня копируешь, плут, жулик несчастный?!

Керемов поставил на стол стакан, поднялся с места и ответил:

— А ты не лайся! Я говорю лишь то, что написано автором...
— Сейчас я намылю шею и тебе и твоему автору, невежа из невеж!
А ну-ка, слезай сейчас же оттуда, я увольняю тебя с работы!..

Эти слова вывели Кермова из себя, и он прорычал:

— Еще не родился тот, кто снимет меня с работы. — И, обернувшись назад, приказал: — Салманов! Скорей составляй протокол...

— Не составляй, протокол составлять буду я! — завопил председатель сельсовета и, вновь соскочив со своего места, попытался ринуться на сцену, но его удержали сидевшие рядом. В свою очередь, Мирза Гусейн и Салманов насили удержали за руки Кермова, устремившегося со сцены в зал.

Все потонуло в хохоте и криках, поднялась настоящая кутерьма. Занавес опустился.

Шум постепенно стих, зажегся свет, но председатель сельсовета все еще продолжал кипятиться. Повернувшись к соседям, он кричал своим визгливым голосом:

— Допустим, они не виноваты. Ладно! Виноват тот, кто написал все это. Дайте мне только добраться до этого автора, дайте мне найти его, я ему такое задам, что...

Услышав эти слова, я покинул зал, не дожидаясь окончания спектакля.

Я сидел в номере районной гостиницы и ждал возвращения своего друга. Наконец, он пришел и, смеясь, заявил мне:

— Напрасно ты ушел. Во втором акте перед кузницей дяди Мусы состоялось собрание, и председателя сельсовета сняли с работы.

— Позволь, позволь, — спросил я. — Ведь собрание должно быть в четвертом акте, почему же его передвинули во второй?

— А четвертого акта вообще не было. В зале поднялся невообразимый ералаш, и все разошлись, — отвечивал друг.

На следующий день, выезжая из Тиканлов в другие районы, мы, между прочим, услышали, что колхозники созвали собрание и обсуждают деятельность председателя своего сельсовета.

Некоторое время спустя мы возвращались той же дорогой из нашей поездки. Автобус снова остановился у знакомой чайханы. Нам уже были известны заведенные здесь порядки и, едва мы уселись за стол, мой друг крикнул начальственным тоном:

— Эй, братец!

На зов отозвался молодой человек. Улыбаясь, подошел к нам:

— Братца нет!

— А куда же он делся? — спросил мой друг.

— Туда же, куда и братец из Тиканлов. Тому сыграли «свадьбу» там, а этому — здесь.

— Понятно! Так не напоите ли вы нас горячим чайком?

— Что за вопрос? Разумеется! Чай и должен быть горячим!

— Но у вас он был холодным и, если не ошибаюсь, вы сами утверждали, что температуру его можно ощутить, лишь выпив стакан до дна!

Молодой человек улыбнулся еще шире и ответил:

— Прошли те времена. Спиртным не торгуем. А хорошо заваренный чай есть. Сейчас принесу.

С удовольствием напившись ароматного чая, мы снова тронулись в путь...

Недавно мне довелось вновь побывать в этом селе. Моему взору представились асфальтированные улицы, новые дома, утопающие в зелени садов, прекрасный Дворец культуры, выстроенный на месте старого клуба... Во Дворце шел вечер отдыха молодежи. Молодые сельчане играли, пели, танцевали — словом веселились, как будто справляли свадьбу...

МОЛЛА ШИРАЛИ ищербрай

ПРОЛОГ

— Севиль не пришла.

— Почему?

— Дед не пускает.

Я был весьма удивлен. Дед до сих пор не возражал против участия Севиль в драматическом кружке. Правда, он говорил, что молодой девушке негоже ночью, после репетиций, возвращаться одной из города в село, и поставил условие, чтобы ее всегда привозили домой на машине. Ну что ж, дед был, конечно, прав. Хоть дорога от Дворца культуры в городе до села Гушлуг не велика — всего с километр (село вплотную примыкает к городу), но мало ли что в ночную пору может испугать девушку! И мы всегда выполняли требование старика и после репетиций отвозили Севиль домой на такси.

Так что же теперь произошло, почему старик отказывается от своего слова?

Мы готовили пьесу «Айдын» Джафара Джабарлы. Севиль исполняла в ней роль Гюльтекин. Как же мы сможем без нее сыграть спектакль?

Репетиция в тот вечер у нас сорвалась, а на следующий день мы направились к Севиль на работу (Севиль в этом году закончила десятилетку и работала в сельской библиотеке). Мы решили собрать побольше ребят, коллективно пойти к старому Меджиду-киши и уговорить его разрешить внучке участвовать в спектакле. Но после объяснения с Севиль сочли это бесполезным. Дело оказалось вот в чем: несколько месяцев назад в селе Гушлуг появился молла. Черт его знает какими хитростями, но за короткое время он сумел прибрать к рукам всех стариков. Видно, хитер был этот молла, если даже такой передовой старик, как Меджид-киши, попал под его влияние. Молла с алтаря мечети призвал верующих не пускать своих детей ходить в город и принимать участие в представлениях. И вот дед строго-настрого запретил Севиль бывать на репетициях.

Севиль еще в детстве потеряла родителей и поэтому очень была привязана к деду, никогда ему ни в чем не перечила и привыкла его беспрекословно слушаться. Зная хорошо характер дедушки, она отговорила нас идти к нему; «это бесполезно», — сказала она.

Что же теперь будет? Неужели по единственному наущению моллы распадется наш кружок?

Нет, не распался наш кружок! Разрешите неторопливо, последовательно и точно рассказать, как разворачивались события и как нам помог случай.

I

Молла Ширали был высокий худой мужчина с реденькой бородкой. Лицо его было черно, как вакса. А нос, удивительный нос, походил на сморщенную картошку, испеченную в золе. Жесткие волосинки, беспорядочно проросшие сквозь дубленую кожу его физиономии, напоминали черные колючки. Лишь глаза цвета маслянистой нефти всегда играли и беспокойно бегали по сторонам.

Молла Ширали был мастер на все руки: он умел совершать намаз, читать проповеди, в траурные дни магеррама распевать священные стихи... Кроме того, он умел еще изгонять злых духов и ворожить. Для моллы Ширали было плевым делом с помощью колдовства свести возлюбленных, разлучить законных супругов, врага превратить в друга, а друга сделать врагом. Он никому не отказывал, всех обнадеживал, и каждого, кто обращался к нему, встречал ласковой улыбкой и сладкой речью. Исцеление от всех недугов он творил именем аллаха. А это было такое мудрое и могучее средство, что никто не осмеливался сомневаться в нем.

Передовые колхозники и, в частности, молодежь, не знали, как им избавиться от этого моллы.

Никто не ведал, кто он, где пребывал доселе, где и чем промышлял до появления в селе. Сам молла на все вопросы отвечал так путано, нес такую околесицу, что никто ничего толком уразуметь не мог.

Весело проходило молодежное лето. В городском парке каждый вечер устраивались гуляния, и молодежь из окрестных сел стекалась сюда, кто на машинах, кто на мотоцикле или велосипеде, а кто и пешком. Веселились, участвовали в самодеятельных концертах. Только из села Гушлуг, хотя и ближе всех оно было к городу, в последнее время в парк на гуляние приходило все меньше и меньше парней и девушек.

II

Оставим пока моллу Ширали блаженствовать в селе Гушлуг, а сами вместе с вами пойдем в город. Удивительно расположен наш город; с трех сторон окружают его горы, с четвертой — равнина. Нагорная часть находится на несколько сот метров выше уровня моря и сплошь состоит из крохотных домишек. Если смотреть снизу, то кажется, будто домишки эти взобрались туда, спасаясь от кого-то в беспорядочном бегстве. Наверху не встретить ни одного нового здания: все новостройки — учреждения, кино, Дом культуры — расположены внизу. Из нагорной части вниз можно проехать на машине за пять-десять минут, но за эти пять-десять минут ты точно совершаешь скачок из пятнадцатого века в двадцатый.

На полпути из пятнадцатого в двадцатый век, то есть прямо в центре города, у магазина «Азвинтреста» ежедневно можно было встретить одну и ту же личность. Человек этот проводил здесь большую часть своей жизни. Если сострадательные прохожие подносили ему выпить и закусить, он жил припеваючи и в ус не дул. Но когда людское великодушие иссякало, ему приходилось довольствоваться лишь ароматом питья и снеди.

Звали этого человека Джалил-бек, и был он отпрыском одного из бывших беков нашего города. Впрочем, бек этот не имел ни своей земли,

ни строений, и был он в народе известен под кличкой Бек-голыш. Занимался он тем, что жил за чужой счет... И сын унаследовал от отца лишь «профессию» тунеядца.

Джалил-бек был низкорослым полным мужчиной с лицом настолько сырым, что казалось оно сделанным из плохо взошедшего теста, ушпанного со всех сторон. Набрякшие мешки под глазами, отвисшие щеки и подбородок усиливали это впечатление. Лысую голову его только за ушами венчала бахрома вечно всклокоченных волос, шапка, купленная бог весть сколько лет назад, испытала столько дождей, что вся сморщилась и сплюснулась и покрывала лишь незначительную часть этой достойной головы. А костюм... Костюм Джалил-бека описать невозможно, нужно увидеть воочию эти узкие штаны, плотно обтягивающие его толстые ляжки, этот кургузый, едва доходящий до пояса пиджак. Этот костюм Джалил-бек носил и зимой и летом. И, как нельзя себе представить созревающего на грядках арбуза без кожуры, так невозможно представить Джалил-бека без его костюма.

Жизнь Джалил-бека состояла из света и тени. В данный момент он пребывал в самой светлой полосе дней своих. Но минуты счастья обычно длятся недолго, ибо трудно сидеть на свете и заниматься темными делами, чтобы это не бросалось в глаза. (Пропусту говоря, Джалил-беку за темные махинации пришлось не однажды совершать экскурсии в тюрьму.)

Вы, вероятно, удивитесь — экая, мол, фигура, Джалил-бек, что я потратил столько времени на его описание. Если сказать по правде, так он меня и вовсе не интересует, как говорится, лягу спать и во сне его не увижу. Но дело в том, что этот самый Джалил-бек явился причиной заката ярко сверкавшей звезды моллы Ширали. Поэтому я счел своим долгом вам его представить.

Но разрешите, не забегая вперед, рассказать вам всю эту историю по порядку.

III

На пути между селом Гушлуг и городом, под сенью большого платана приютилась автобусная станция. Начальник этой станции Ага Рагим — член нашего драматического кружка — выступает в комических ролях.

В один из знойных летних дней, примерно через два-три дня после того, как сорвались наши репетиции, Джалил-бек, очухавшись от очередной пьянки, увидел, что находится на автобусной станции. Как он ни силился, не мог понять, каким образом здесь очутился. А произошло это так. Спозаранку очередные клиенты «Азвинтреста» пригласили его выпить с ними за компанию. Джалил-беку того и нужно было. стакан водки и стопка коньяка, выпитые натошак, привели его в такое состояние, что когда он пытался двинуться вперед, ноги сами потянули его назад. Он хотел попасть домой, в верхнюю часть города, а оказался в другом конце.

Повернувшись пару раз на каблуках, Джалил-бек уселся рядом с Ага Рагимом и попросил папиросу. Ага Рагим зажал нос и отодвинулся в сторону.

— Дай тебе бог здоровья, опять от тебя с утра разит, как из аптеки!

Джалил-бек взял папиросу, молча поклонился Ага Рагиму и, не удаивая его ответом, вновь уселся на траву. Покурив, прилег и тотчас уснул.

Ага Рагим успел встретить два автобуса, продать билеты пассажирам и отправить машины по дальнейшему маршруту. Шум машин, гром-

кий говор пассажиров, выкрики носильщиков — ничто не достигало ушей Джалил-бека. Он лежал, словно мертвый, и лишь изредка похрапывал во сне.

После полудня Ага Рагим, уже успевший съездить и сдать выручку в банк и возвратиться на станцию, увидел, что Джалил-бек изволил, наконец, проснуться и теперь, потягиваясь, восседал на траве.

— Есть у тебя что-нибудь вкусенькое закусить? — встретил он Ага Рагима.

Этот вопрос вывел Ага Рагима из себя.

— Что тебе здесь, закусовая или бакалейная лавка?

Но Джалил-бек не унимался:

— Неужели ты с собой из дому не захватил ничего?

— Нет, я здесь не завтракаю!

Ага Рагим был не в духе. Его расстроил срыв репетиций в драмкружке, а тут еще этот назойливый пьянчуга прицепился, как клещ!..

Ага Рагим вынес из станционной будки обрубок бревна и уселся на него. С того места, где он сидел, отчетливо просматривалась улица села Гушлуг. Вот несколько ребятишек перебежали с одного двора в другой. Тяжело ступая, прошла женщина с кувшином воды за спиной. А вот из-за деревьев показалась группа мужчин. Впереди них шествует человек в облачении моллы. Вероятно, идут в мечеть, на молитву.

Из-за этого проклятого моллы Севиль не приходит на репетиции! И Ага Рагим невольно поднялся с пенька и стал следить за священнослужителем и его спутниками.

А Джалил-бек почему-то расценил это движение, как признак сострадания к его голодной утробе, и вновь жалобно заныл:

— Ага Рагим, приготовь мне что-нибудь поесть. Нельзя же отпускать гостя, не накормив его!

Ага Рагим ответил на это:

— Вон погляди, молла Ширали направляется в мечеть. Беги к нему, он позаботится о твоём пустом желудке.

— Кто позаботится? — переспросил Джалил-бек.

— Молла Ширали. Новый пророк села Гушлуг. Погляди, как старики его обступили. Как цыплята наседку.

Джалил-бек поднялся с травы, встал рядом с Ага Рагимом и начал внимательно всматриваться в проходившую группу.

— Ты говоришь о том человеке, который идет впереди сельчан?

— Ага!.. Смотри, как он похож на шейха Насруллу. Я играл эту роль в пьесе «Мертвецы».

Джалил-бек вдруг взволновался.

— Как его, говоришь, зовут?

— Молла Ширали.

Услышав этот ответ, Джалил-бек вдруг сорвался с места и бросился бежать в сторону селения.

IV

Молла Ширали совершил намаз, огладил молитвенно бороду и поднялся на ноги. Вслед за ним поднялись все. Мечеть вмиг опустела.

Подобно бакалейщику, плотно запирающему свою лавку, молла закрыл на замок мечеть, передал ключи служителю и направил стопы к своему дому. Настроение его было отменным. Свежий горный ветерок, развевавший длинные полы его абы, доставлял ему искреннее удовольствие, и молла бодро шагал вперед, что-то мурлыча себе под нос. Изредка молла Ширали неприметным жестом ощупывал свой карман. Денег у него прибавлялись с каждым днем, а это открывало перед ним

лучезарные перспективы. Наконец-то он держит в своих руках ключи от легкой привольной жизни. Нет, теперь уж он не попадется, он никому их не отдаст, никто не сумеет оторвать его ног от этой благодатной почвы. Никто!.. На какой-то миг его сладостные размышления были нарушены неприятным ощущением, ему показалось, что над его головой сгущаются тучи. И действительно, не слишком-то удобным было это селение, расположенное в непосредственной близости к городу. Ему бы следовало проживать в далеких от центра селах, подальше от слишком зорких глаз, но что поделаешь? Во многих селах мечетей вообще не бывало, а там, где они имелись, их давно уже заняли под различные хозяйственные нужды, чтобы зря не пустовали. Только после долгих поисков он наткнулся на селение Гушлуг. Все хорошо, что хорошо кончается, проживем — увидим!

Были две вещи на свете, которых не выносил молла Ширали. Во-первых, он терпеть не мог молодых людей, которые, проходя мимо, мерили его косым взглядом и не здоровались с ним. Поэтому он и воздействовал на Меджида-киши. И добился-таки того, что молодые драмкружковцы перестали заглядывать в Гушлуг. Во-вторых, он органически не переваривал милиционеров. Стоило ему увидеть работника милиции, хоть издали, его охватывала какая-то непонятная дрожь. По какой причине?

Причина эта крылась в далекой яме прошлого и, с точки зрения моллы, не было никакого смысла копаться и вытаскивать ее на свет божий. Когда молла Ширали сворачивал за угол, ему послышалось, что его кто-то окликнул:

— Ширали!

Но в селе моллу никто по имени не называл, поэтому Ширали решил, что ему просто почудился чей-то голос, и хотел уже было продолжать свой путь, как снова явственно услышал:

— Ширали!

Молла оглянулся, осмотрелся по сторонам и заметил, что зовет его странно одетый низкорослый полный незнакомец. Молла удивился, спросил:

— Меня ли ты зовешь, дитя мое?

Человек, которого столь нежно называли «дитя мое», на цыпочках приблизился к молле и, озираясь, прошептал:

— Не узнал меня, Ширали? Смотри внимательнее, так кто же я такой?

Молла Ширали узнал Джалил-бека, но виду не подал, так как стоявшие невдалеке крестьянки явно прислушивались к их разговору. Чтобы рассеять могущие возникнуть у женщин сомнения, молла Ширали громко произнес:

— Здравствуйте, Магомет хуммети!¹

— Ада, какой я тебе Магомет Хумметов, я Джалил-бек! Не узнал?

— Сын мой, ты меня с кем-то путаешь, до свидания, — процедил молла Ширали и попытался уйти, но Джалил-бек вцепился в его руку и вновь зашептал:

— Постой, постой, как это я спутал? Да я тебя узнаю среди сотен других! Сколько лет мы с тобой сидели в одной камере, ели из одной тарелки, пили из одной кружки... Что же ты теперь хитришь, прикидываешься мертвой лисой?

Молла Ширали вырвал свою руку и злобно зашипел:

— Тише говори. Подумаешь, великое событие, что я с тобой три года в одной камере просидел! Так что же ты теперь, из-за этого не дашь

¹ Магомет хуммети — в смысле благочестивый мусульманин.

мне спокойно есть мой кусок хлеба, что ли? Убирайся из этого селения! Я тебя не знаю, ты—меня!..

И молла Ширали хотел было снова улигнуть, но Джалил-бек заныл жалобным голосом:

— Ширали, я не желаю тебе плохого... Но меня, сам видишь, нужда одолела... Будь человеком, сам живешь, дай и мне продержаться. Ссуди мне немного денег... Хотя на водочку дай.

— У меня для таких, как ты, денег нет. Убирайся отсюда, убирайся!

— Смотри, Ширали, как бы ты не лишился хлеба, который имеешь, — угрожающе процедил Джалил-бек.

Молла Ширали ничего не ответил, повернулся и зашагал прочь.

— Ладно, — крикнул ему вдогонку Джалил-бек. — Очень хорошо! Ты Ширали, а я — Джалил, посмотрим, кто кого!..

V

Пренебрежение моллы Ширали к его персоне возмутило Джалил-бека до глубины души. Продолжая бормотать про себя: «Хорошо же! Посмотрим, кто кого!..», он пошел, не замечая сам, куда идет. В душе его клочкотали и жажда мести, и зависть к откормленному молле. Так, обуреваемый противоречивыми чувствами, он, незаметно для себя, вышел из селения и вновь оказался у автобусной станции.

— Да хранит аллах бека, ну, как, удалось что-нибудь сорвать с моллы? — окликнул его Ага Рагим.

Джалил-бек вздрогнул и, очнувшись от глубокого раздумья, зло ответил:

— Даже аллах, давший ему душу, не сможет отнять ее у него обратно. Он все селение сожрет, и тогда не насытится... Впрочем, он и в тюрьме был такой. Умнет свою порцию, а потом нам в рот глядит, ищет, у кого бы урвать еще кусок. А не дадут—так украдет... А сейчас, когда у него всего достаток, он меня за человека не считает.

Ага Рагим ушам своим не верил.

— Постой, постой, ты о чем говоришь, милый? — с нескрываемым любопытством спросил он Джалил-бека. — Кто это был в тюрьме?

— Кто, кто, — отвечивал Джалил-бек. — Ширали!..

— Молла нашего села?

— Он самый. Три года отсидел со мной в одной камере, а сейчас и узнавать не хочет, спрашивает меня: «Дитя мое, кто ты?»

Ага Рагим от радости аж подскочил и, вытащив из кармана деньги, протянул Джалил-беку:

— Пусть здоровствует бек! Вот тебе на обед, да выпей в придачу за мое здоровье сто граммов. Но зайдем-ка на минуточку ко мне, есть небольшой разговор.

Ага Рагим завел бека в свою будку. О чем они там говорили, осталось тайной. Однако если бы кто-нибудь попытался у окошка подслушать их беседу, то смог бы уловить некоторые любопытные фразы. После длительного разговора, который велся шепотом, Джалил-бек громко воскликнул:

— Будь спокоен, я знаю про такие его дела, что стоит его малость припугнуть, и этого хватит.

Ага Рагим что-то ответил, и Джалил-бек залился хохотом. А насмеявшись, сказал:

— Трудно заставить его выпить первую каплю. Но стоит единой капле попасть ему в рот, как он уже не сможет удержаться.

Потом опять слышался только невнятный шепот, сквозь который прорывались реплики Джалил-бека: «...куплю такой крепости, что быка свалит с ног», и поощрительный возглас Ага Рагима: «Вассалам!»

Они пошептались еще немного, рассмеялись оба, а затем Ага Рагим что-то вручил Джалил-беку (наверное, это были деньги), и они расстались.

VI

Молла Ширали совершил большую ошибку. Ему не следовало столь грубо отталкивать Джалил-бека. Пожалуй, лучше было привести его к себе в дом и запечатать ему рот малой толикой денег. Однако упущенного не вернешь. Теперь ему остается быть предусмотрительным и осторожным, ибо эта привольная жизнь может в единый миг разбиться вдребезги и развеяться в прах.

В тот день молла Ширали, боясь ненароком снова встретиться с Джалил-беком, не высовывал носа из дому. Сказавшись больным, он не пошел в мечеть и к вечернему намазу. На следующий день пропустил и утренний намаз. Однако к полудню ему стало невтерпёж отсиживаться дома: ведь если запустить дела в мечети, будет совсем худо. Поэтому волей-неволей пришлось выйти на улицу. На каждом перекрестке он, внутренне содрогаясь, ожидал, что вот появится Джалил-бек, обругает и опозорит его или выкинет какую-нибудь штучку похлеще. От пьяного человека можно всего ожидать.

Все же он благополучно, без всяких происшествий, добрался до мечети. До начала намаза молла Ширали произносил обычно небольшую проповедь о бренности земного существования, об аде и рае, в общем болтал, что на ум придет, благо в речи его никто не вникал и вопросов ему не задавал. Ведь самому младшему из его слушателей давно перевалило за семьдесят, и молитвенное собрание более походило на инвалидный дом, чем на мечеть.

Молла Ширали поднялся на амвон, обвел присутствующих взором и начал проповедь. Но, как ни старался, не мог ощутить в себе былой уверенности. Закруглился в десять минут и, огладив бороду, намеревался уже спуститься с амвона, как вдруг кто-то из молящихся в задних рядах поднялся на ноги и обратился к нему:

— Молла-ами! У меня есть вопрос.

Молла Ширали не знал вопрошавшего (ездить на автобусе ему не приходилось, и он не сталкивался с Ага Рагимом), но все же у него почему-то тревожно забилося сердце. Он не подал виду и спокойно сказал:

— Пожалуйста, дитя мое, задавай твой вопрос.

Ага Рагим выступил немного вперед и спросил:

— А спросить я хочу вот о чем: если человек сидел за воровство в тюрьме, а теперь заделался моллой, правильно ли будет правоверным совершать за ним намаз или нет?

Молла Ширали почувствовал себя так, точно сотни кошек забрались в него и начали терзать его внутренности. Несколько секунд он пребывал в состоянии полнейшей растерянности и, наконец, с огромным трудом выдавил:

— Н-н-нет... по-правде, это будет... не-не-правильным...

И только он хотел юркнуть вниз, как Ага Рагим громко воскликнул:

— Молла-ами, не торопись, у меня есть еще второй вопрос.

— Время намаза проходит, дитя мое, — раздраженно прервал его молла Ширали. — Оставь свой вопрос до другого раза.

— Нет, нет, молла-ами, — настаивал Ага Рагим. — Я хочу сейчас спросить.

— Дорогой мой, дай нам заниматься своим делом. Это мечеть, а не заседание месткома! — злобно проговорил молла Ширали и быстро спустился с амвона.

Ага Рагим сообразил, что молла попытается сейчас улизнуть из мечети, и двинулся ему навстречу. Между тем старики засуетились, поднялись со своих мест и, повернувшись в предполагаемую сторону Каабы, стали занимать исходное положение для намаза. Так как это в их возрасте было не малым подвигом, то они не обращали особого внимания на словопрения Ага Рагима и моллы.

Но Ага Рагим не унимался. «Еще один, последний вопрос!» — громко воскликнул он и схватил моллу за руку. Молла попытался вырваться, но, видя, что рука его зажата точно в тисках, перестал сопротивляться. Ага Рагим снизил тон и сказал:

— Второй вопрос такой. Да будет благословен молла, если он, просидев с человеком более трех лет в тюремной камере, теперь прикидывается мертвой лисицей и не желает узнавать его...

Молла Ширали не стал слушать дальше. Он резким движением вырвался из рук Ага Рагима, шагнул на свое место впереди стариков и опустился на колени для намаза. Он не помнил, как совершал намаз, бормотал что-то, не имеющее ничего общего со стихами корана. Завершив кое-как молитву, он не стал, как обычно, дожидаться, когда выйдут молящиеся, чтобы собственноручно запереть двери мечети, а смешался с толпой и со всеми вместе заспешил к выходу. Однако и этот маневр не помог ему избавиться от назойливого вопрошателя. Выйдя из мечети, старики разбрелись врозь по своим домам и молла Ширали остался один. И тут к нему снова подошел этот навязчивый незнакомец.

— Молла, вы не дослушали до конца мой второй вопрос!

Чаша терпения моллы Ширали лопнула, не выдержали и без того натянутые нервы, и, видя что вокруг никого нет, он схватил Ага Рагима за лацканы пиджака и процедил сквозь зубы:

— Ты отвяжешься от меня или нет? Ты что, прокурор, чтобы каждую минуту меня допрашивать?

Но эта внезапная атака не возымела никакого действия на Ага Рагима. Он был настолько силен, что даже крупные декорации вносил со двора на сцену сам, без посторонней помощи. Он схватил моллу Ширали за кисти рук и легонечко их сжал. Этого было достаточно, чтобы освободить свой пиджак из рук моллы. Молла Ширали понял, что перед ним человек опытный и сильный, и переменял тон:

— Эх, братишка, что же ты от меня хочешь?

— Хочу ответа на мой второй вопрос!

— Вот ответ: я плохо поступил, жестоко ошибся. Передай брату моему Джалил-беку, что я для него всегда дома, милости прошу его ко мне в любое время, встречу его, как родного!

Этот ответ вполне удовлетворил Ага Рагима. Он отпустил руки моллы, улыбнулся, вежливо попрощался с ним и удалился восвояси.

VII

Молла Ширали жил одиноко на дому у одной старушки. Старушка эта была подслеповата и туга на ухо, но с точки зрения моллы это было не пороком, а достоинством хозяйки, так как молла недолюбливал людей с острым зрением и тонким слухом. У него было вдоволь всякой снеди, об этом заботились верующие. Один приносил ему долму, второй нес бозбаш, третий — плов...

Поэтому гостя он встретил, как подобает: выложил на стол все, что у него было, и сегодняшнее и вчерашнее. Джалил-бек удивился:

— Что это? Да не попал ли я в рай?

Молла Ширали, улыбаясь, потчевал гостя:

— Ешь, ешь, рай не только на том свете бывает, он и на этом существует.

А помирились они так. Молла Ширали, заведя на улице Джалил-бека, сам остановил его: «Сын мой, не желаешь ли ты написать себе молитву-заклинание?» И прежде чем Джалил-бек успел что-либо ответить, он, ухватив его за руку, ввел в свой дом, обнял и поцеловал как самого близкого друга и, чтобы доказать искренность своих чувств, выложил на стол все, что у него было. Молла полагал, что Джалил-бек набросится на еду, как голодный волк. Однако этого не произошло. Отведав пару кусков, Джалил-бек обтер руки о свои штаны и заявил:

— Хватит. Больше в глотку не идет.

У моллы от удивления глаза на лоб полезли.

— Почему не ешь? Ведь у тебя раньше был такой аппетит, что ты не только все эти блюда, меня еще впридачу мог проглотить. Что с тобой случилось?

— Не проходит через горло, друг Ширали, — отвечал Джалил-бек.

— Если не промочу его ста граммами, ничего есть не смогу.

Молла Ширали в ужасе огляделся по сторонам, а потом шепотом сказал:

— О чем ты говоришь, Джалил-бек! Ведь мой дом сейчас нечто вроде мечети, здесь и названия спиртного употреблять нельзя!

— Ах, зачем нам название, был бы вкус! — меланхолически заметил Джалил-бек.

— У меня ничего нет, Джалил, а в магазине брать нельзя, — увещевал гостя Ширали. — Ведь молла это — пастырь народа и на него устремлены все глаза.

— Незачем ходить в магазин, — успокоил моллу Джалил, — твой друг пришел в твой дом с запасом. Сейчас я тебе поднесу такое, что, испробовав, ты сразу окажешься в раю.

— Нет, нет, Джалил, — отнекивался молла. — Пить я не буду, дал священный зарок, не имею права и капельки взять в рот.

— Неужели тебе не хочется попасть в рай?

— Да я и так сейчас в раю. Чем уступает небесному раю селение Гушлуг? Что моя душа ни пожелает — сейчас же оказывается вот на этом столе.

— Ну что ж, дело хозяйское, в таком случае я буду пить, а ты смори и облизывайся!

И с этими словами Джалил-бек извлек из кармана бутылку коньяка, налил полстакана и опрокинул себе в рот.

Когда Джалил-бек таким же манером пропустил в нутро еще полстакана, молла Ширали не выдержал и дал ему понять, что он тоже не прочь отведать несколько капель этой живительной влаги.

VIII

Я сидел у себя дома и просматривал программу вечернего гуляния в парке культуры и отдыха. По первоначальному плану сегодня должна была состояться премьера пьесы «Айдын», но отсутствие Севиль все расстроило. Пришлось срочно организовывать концерт и готовить сценки из различных пьес.

Было уже за полдень, когда ко мне зашел Ага Рагим. Я абсолютно не был в курсе развернувшихся событий, не подозревал, что Ага Рагим ходил в мечеть, что в дело включился Джалил-бек, и, когда услышал обо всем этом, был, разумеется, несказанно удивлен. Удивление мое удвоилось, когда Ага Рагим заявил, что нам сейчас необходимо поехать к Се-

виль и ее дедушке. Однако на все мои вопросы Ага Рагим лаконично отвечал:

— Так надо. Потом узнаешь все. Собирайся, едем. Нужно пригласить Меджида-киши на концерт.

Почему нам вдруг понадобилось приглашать на концерт деда Севиль, какая здесь была связь с прочими событиями, я так и не мог уразуметь. А Ага Рагим, вместо внятного ответа, только поторапливал меня. Ну что ж, мы с ним были старые друзья, вместе учились, вместе гуляли, не мог же я ему отказать. Мы вышли на улицу, наняли машину и покатались прямо в селение Гушлуг.

Дверь открыла Севиль. Завидя нас, она заявила сразу:

— Напрасно приехали, дед не согласен, и я его запрета не нарушу.

Ага Рагим на это спокойно ответил:

— А мы и тебя и деда забираем в гости.

— Куда?

— В парк культуры. Будете, как и все, сидеть и слушать концерт.

Севиль сперва задумалась, а потом весело рассмеялась:

— Хорошо сообразили. Идемте в сад, дедушка там.

Дедушка Севиль, Меджид-киши, был высокий длинноротый старик. Хоть ему уже перевалило за восемьдесят лет, но на вид ему нельзя было дать больше шестидесяти. Он был здоров и бодр, отлично видел и слышал.

Завидя нас, Меджид-киши бросил лопату на землю и крикнул:

— Напрасно пожаловали. Внучку в вашем театре выступать не пушу.

— Мы не для этого приехали, Меджид-ами, — вкрадчиво заговорил Ага Рагим, — ты не пускаешь, что же, мы с тобой согласны... хоть вреда в том нет...

— Большой вред! — перебил его Меджид-киши. — То, что сказал молла Ширали, для меня закон! Такого святого не только в нашем селении, во всем районе не сыщешь. Это такой человек, что при жизни его дыхание хранит нас, а после смерти могила его будет святыней. И ослушаться его, это значит перед богом великий грех совершить!..

Судя по всему, старик настроился еще долго разглагольствовать на эту полюбившуюся ему тему, но Ага Рагим решил его перебить.

— Мы приехали не за Севиль, а за вами!

— За мной? — удивился Меджид-киши. — Теперь вы меня задумали сделать артемом? (Так он произносил слово артист).

— Нет, нет, Меджид-киши, — успокоил его Ага Рагим. — Мы тебя не выступать в театре зовем, а приглашаем к нам в гости. — Ага Рагим отличался умением беседовать со стариками и сейчас решил блеснуть своими способностями. — Наша молодежь будет для вас петь и танцевать. А вы сидите себе рядом с Севиль, как почетный гость, и слушайте наш концерт. Ведь против этого молла не возражает?

— Молла на днях в мечети говорил, что аллах всем верующим разрешает смотреть зрелища, но при одном условии, чтобы в них не было ничего безбожного. Вы там бога задевать не будете?

Судя по всему, старик был явно склонен принять почетное приглашение, и Ага Рагим поспешил ответить:

— Конечно нет, Меджид-ами, какие у нас могут быть шутки с аллахом!

— Ха, ну в таком случае можно, пожалуй, и пойти. А машина у вас есть или придется тащиться пешком?

— Зачем пешком? Машина стоит у ворот.

— Ага! Ну тогда пойдем, оденемся.

Меджид-киши и Севиль приоделись. Мы посадили их в автомобиль и поехали в парк.

IX

И именно в эти минуты подходил к концу водевиль, разыгрывавшийся в доме моллы Ширали. Аба валялась уже в одном углу, чалма — в другом, а сам молла пребывал на седьмом небе. Со дня прихода в селение Гушлуг он не брал в рот ни капли спиртного, и теперь его разобрало основательно. Каждый раз, поднимая бокалы, собутыльники целовались, а Джалил-бек без устали повторял одну и ту же фразу: «Сейчас я тебя заберу в рай! Увидишь там гурий и оценишь своего друга по достоинству».

— Раз я пью святую водичку, значит я и без того в раю, — блаженствовал молла Ширали.

— Ну, сейчас я тебя напою святой водицей покрепче, — заявил Джалил-бек и, швырнув на пол опустевшую коньячную бутылку, достал из кармана непечатую бутылку с самогоном, разведенным спиртом. Он вновь наполнил стаканы и предложил:

— Выпьем за Ага Рагима!

— А кто он такой? — спросил заплетающимся языком молла Ширали.

— Золотой человек! Это он дал мне эти замечательные бутылочки с живительной влагой. Выпьем за его здоровье...

Друзья подняли стаканы и чокнулись. Молла Ширали закрыл глаза и, широко открыв рот, опрокинул стакан, будто лил воду в бездонный колодец. По горлу его словно огненная лава протекла. Когда он отнял стакан от губ и попытался поставить его на стол, ему показалось, что стены дома рушатся на него. Потом стены исчезли и перед его глазами заплясали белые, зеленые и красные шары. Почва ушла из-под ног, и ему почудилось, что он взлетает ввысь. В пьяном мозгу пронеслось: «А может быть, я действительно переселяюсь в другой мир, в рай, к ангелам и гуриям?».

Джалил-бек крепко обнял моллу Ширали и вывел его на улицу. Едва ветерок коснулся его разгоряченного тела, молла Ширали стал беспричинно орать и осыпать бранью каждого встречного.

«Молла пьян!» — эта весть с телеграфной быстротой, точно молния, вмиг разнеслась по всему селу.

X

Заходило солнце. Его с улыбкой провожали горы, скалы, высокие деревья. Хоть и не наступила еще вечерняя темнота, но парк уже сверкал огнями. Лампы, спрятанные меж листьями деревьев и кустов, среди цветов, придавали ему сегодня особенную красоту. Меджид-киши и Севиль, усевшись на одной из скамеек, глядели на прогуливавшуюся молодежь.

Немного спустя у входа в парк послышался какой-то шум. Собравшиеся здесь люди увидели, что у ворот стоят, покачиваясь, молла Ширали и Джалил-бек, поддерживаемые падкими до различных происшествий ребятами.

Молла Ширали, видимо, впервые попал в парк, потому что он хлопал глазами и удивленно озирался вокруг. Решив спьяна, что он уже прибыл в рай, он громко воскликнул:

— Наконец-то добрался!..

Растолкав окружающих, он рванулся вперед, но Джалил-бек попы-

тался удерживать его в своих объятиях. Молла Ширали рассвирепел и заорал: «Уходи прочь, нечестивец!.. Нам с тобой больше не по пути... Твое место в аду, а не здесь!..» Он вырвался и направился на центральную аллею. Увидя одетых в нарядные пестрые платья девушек, прогуливавшихся меж цветов и газонов, он рассмеялся в восторге. С амвона мечети молла Ширали сам не раз разъяснял своим слушателям, что удостоившиеся попасть в рай могут там делать все, что захочется, заключить в свои объятия любую приглянувшуюся им гурию, и никто им перечить не станет... Увидев сейчас вокруг себя столько райских гурий, молла решил немедленно воспользоваться дарованными ему аллахом правами и ринулся к девушкам.

Не ожидавшие такого нападения девушки с криком разбежались, кто куда. А молле Ширали показалось, что гурии с ним заигрывают, и поэтому он, облюбовав девушку в красном платье, со смехом устремился за ней. Однако девица оказалась не из пугливых, и когда молла Ширали приблизился к ней, влепила ему звонкую оплеуху и крикнула:

— Уйди прочь, хулиган!

Девичья пощечина оказалась увесистой. Молла зашатался и, чтобы не свалиться с ног, схватился за дерево. Как раз в это время к месту происшествия подоспели два милиционера.

Вид их заставил моллу содрогнуться. Он с трудом проговорил:

— Изыдите прочь! Даже в раю вы не хотите оставить меня в покое!

В парке все переполошились. Девушки сбились в кучу, как загнанные джейраны. Но на милиционеров заклинание не подействовало. Молла Ширали был торжественно препровожден в районное отделение милиции.

Меджид-киши, явившийся невольным очевидцем всех этих событий, был сильно удручен. Уже в который раз он предлагал своей внучке:

— Севиль, пойдем домой, мне тут стыдно оставаться.

Как мы ни старались, но не могли ничем отвлечь старика. Настроение его было испорчено вконец. Он уже взялся за свой посох, чтобы встать и уйти, но Севиль стала его уговаривать:

— Дедушка, милый, ну наберись хоть капельку терпения, сейчас ведь будет замечательный концерт.

Дед заколебался, обвел всех нас подозрительным взглядом, особенно внимательно приглядываясь к Ага Рагиму, будто видел его впервые, а потом ответил Севиль:

— Я свой концерт посмотрел. Эти твои товарищи, артесы, дали мне хороший урок.

Ага Рагим скромно отвернулся в сторону, будто сказанное его не касалось, а Меджид-киши продолжал:

— А я-то думал, с чего бы это молодежь пригласила меня на свое гуляние? Сейчас понял. Чтобы и мне стало ясно, что наш молла — пьяница и проходимец. Ну что же, пусть будет по-вашему... Но хочу вам сказать, что вы сделали хуже не мне, а себе... Ставлю вам одно неперемное условие: в каком бы театре ни выступала Севиль, я должен сидеть в первом ряду. Не выполните этого условия, не пущу свою внучку выступать, так и знайте!

Мы приняли это условие старого Меджида-киши. И он не ушел домой в тот вечер. Усевшись в первом ряду, он прослушал наш концерт.

ЭПИЛОГ

Пьеса «Айдын» в нашей постановке имела большой успех. Севиль, исполнявшая роль Гюльтекин, завоевала симпатии зрителей и особенно

понравилась старому Меджиду-киши. Вообще описанные выше события удивительно повлияли на старика. Из недруга театра он сразу превратился в его рьяного приверженца. Он настолько полюбил сценическое искусство, что согласился на то, чтобы Севиль осенью поехала в Баку, где она намеревалась поступить в театральный институт.

Джалил-бек вернулся к своим прежним занятиям. Снова его ежедневно можно было встретить на полпути между пятнадцатым и двадцатым веками, т. е. в самом центре города, у магазина «Азвинтреста». Разница заключалась только в том, что ныне он здесь восседал не один. Рядом с ним неизменно теперь пребывал бывший молла селения Гуш-луг Ширали.

Но на днях, проходя мимо магазина, я увидел Джалил-бека одного. Ширали не было рядом с ним. Я полюбопытствовал, в чем дело, и бек немногословно ответил:

— В командировке!

— Как в командировке? Разве Ширали поступил на работу?

— Нет, милый, — снисходительно отвечал мне Джалил-бек. — Он не настолько глуп, чтобы работать. Я его командировал... В другие районы. Пусть поищет селение, где нужен молла. Найдет, сразу вызовет меня к себе. Мы вдвоем поможем друг другу, проживем...

Расставшись с Джалил-беком, я дал себе слово посредством этого рассказа предупредить всех: будьте начеку! Молла Ширали ищет новый рай, где можно набивать деньгами карманы...

Перевод Гр. ГРЕКИНА